

7. New Expanded Webster's Dictionary / ed.: R. F. Patterson. – Miami : P.S.I. & Associates, 1989. – 384 p.
8. Webster's Dictionary and Thesaurus. – Ashland : Landoll, 1997. – 448 p.
9. *Smith, Z. White teeth* / Z. Smith. – London: Penguin, 2000. – 542 p.
10. *Черкасова, Г. В. Гибридные формы чужой речи в свете теории высказывания* : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Г. В. Черкасова. – Пятигорск, 2013. – 173 л.
11. *Бабенко, Л. Г. Функциональный анализ глаголов говорения, интеллектуальной и эмоциональной деятельности (на материале художественной речи А. Платонова)* : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л. Г. Бабенко ; Рост. гос. ун-т. – Ростов н/Д, 1980. – 25 с.
12. *Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров* / М. М. Бахтин // Собр. соч. : в 7 т. – М., 1996. – Т. 5 : Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – С. 159–206.
13. *Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества* : сб. избр. тр. / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
14. *Рублеўская, Л. Ночы на плябанскіх млынах* : раман, аповесць, апавяданні / Л. Рублеўская. – Мінск : Маст. літ., 2013. – 526 с.

The article focuses on ethnolinguistic tendencies of explication of speech and non-speech actions in the remarks of Belarusian and British authors. On the first stage of analysis, the verbs used in the remarks are subdivided into three main blocks (according to their textual and lexicographical meaning) and later combined into two main types (verbs with speech and non-speech textual meaning). It is concluded that in modern Belarusian and British fiction two opposite tendencies are observed: explication of non-speech actions in Belarusian remarks and explication of speech actions – in British remarks.

Поступила в редакцию 28.01.2020

О. Ф. Курилович

АКТУАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА

В статье дается обзор моделей ментального лексикона, рассматриваются различные подходы к понятию *ментальный лексикон*, выявляется особенность его трактовки. На основе детального анализа современных исследований ментального лексикона делается вывод о невозможности построения его универсальной модели, которая подходила бы под данные любого языка. Автор приходит к выводу, что для построения идеальной модели необходимо дальнейшее исследование специфики ментальных лексиконов языков разных языковых семей.

Когнитивная система человека возникает в результате когнитивной деятельности и отражается в сознании человека в форме индивидуального ментального лексикона. Ментальный или внутренний лексикон есть не что иное, как одна из форм представления и хранения знаний (памяти), система

хранения всех сведений о языке, предназначенная для упорядочивания и обработки сведений о языке, почерпнутых из опыта или врожденных [1, с. 379]. Термин *ментальный лексикон* придумал Дж. Миллер и впервые его употребил, рассуждая о ментальных словарях и их отличиях от традиционных. Он отметил, что первые могут содержать немало примитивных концептов, для которых нет привычных простых обозначений; к тому же слова в этом ментальном словаре представляются связанными друг с другом, т.е. не стоящими по отдельности [2, с. 194–195].

Анализ структур памяти и принципов хранения знаний о языковых значениях в определенной степени служит основанием исследования ментального (внутреннего) лексикона как компонента речевой способности человека. Психолингвистика исследует системную организацию внутреннего лексикона в сознании носителя языка, которая не совпадает с выделяемой лингвистами языковой системностью [3, с. 25–29]. Сложность устройства внутреннего лексикона определяется тем, что, с одной стороны, это аналог системы лексики определенного языка, а с другой – часть общей организации человеческого мозга, его интеллекта, механизма речевой способности человека. В ходе развития психолингвистики подход к трактовке ментального лексикона менялся. Вполне естественно, что представители разных направлений ставят своей целью исследовать вопросы относительно ментального лексикона.

Рассматривая более ранние модели ментального лексикона, мы для начала хотим остановиться на первых теориях А. А. Залевской, которая рассматривает лексикон как «лексический компонент речевой способности человека», а принципы его организации – как средство доступа к информационной базе [4, с. 30]. При построении модели организации лексикона и описании признаков и связей, его упорядочивающих, в качестве исходного материала А. А. Залевская использовала результаты свободных ассоциативных экспериментов. Анализ этих данных позволил предположить, что лексикон состоит из двух уровней: глубинного и поверхностного. На глубинном уровне находятся образы слов, которые составляют некоторые «чувственные группы», переживаемые как их значения и смыслы. Для этого уровня неактуальны формальные признаки слова: его принадлежность к определенной части речи, формы склонения и спряжения. На поверхностном уровне «каждая единица входит в большое количество связей по линиям звуковой и графической формы, по признаку протяженности, вхождения в более или менее протяженные контексты и т.д.» [5, с. 135]. Иными словами, для глубинного яруса лексикона формальные признаки слов являются нерелевантными, слово идентифицируется как словоформа лишь на поверхностном уровне. Стимул может быть идентифицирован как словоформа, реакция же представляет собой часть исходного слова. Могут возникать также и реакции-рифмы, реакции, включающие слово в контексты разного характера протяженности

(устойчивые словосочетания, клише и прочее). Принципы организации поверхностного уровня зависят от специфики языка носителя лексикона: комплекса фонетических, орфографических, морфологических особенностей соответствующего языка, его деривационной активности, возможностей словосочетания и т.д. Для организации единиц поверхностного уровня лексикона характерно, во-первых, установление связей на основании совпадения элементов разной протяженности и разной локации в составе вступающих в связь словоформ. Во-вторых, включение в контексты разной протяженности и совместное хранение результатов упорядочения знаний об окружающем мире первоначально «оформляются» через полные высказывания или через цепи логических рассуждений, но затем предельно «сворачиваются» вплоть до автоматизированной связи между словоформами [4, с. 158].

В концепции А. А. Залевской внутренний лексикон (субъективный, ментальный лексикон) выступает как средство доступа к продуктам переработки в памяти разностороннего опыта взаимодействия человека с миром. Внутренний лексикон человека сам по себе неоднороден. На основании частотности его употребления в качестве реакции на стимул и различных степеней интеллектуальной активности испытуемых в свободном ассоциативном эксперименте выделяются ядро и периферия лексикона. Уточняя концепцию А. А. Залевской, исследователь Ю. Н. Караулов считает, что ядро состоит в основном из знаменательных слов и формируется из связанных между собой единиц, что подтверждает психологическую реальность «правила шести шагов», согласно которому возможно установление связи между двумя любыми единицами лексикона [6, с. 77–78]. В ядре лексикона отражены наиболее типичные ситуации как результат переработки языкового и неязыкового опыта. В основе организации лексикона лежат два главных принципа: логика упорядочения человеком знания о мире; логика хранения знаний об особенностях оперирования словом в речи. Согласно данной модели слово обеспечивает доступ к памяти человека. Т. Ю. Сазонова пишет: «то, что идентифицируется человеком как слово в единстве его формы и значения, оказывается точкой пересечения множества разнообразных связей...» [7, с. 6].

Н. О. Золотова рассматривает ядро лексикона человека как феномен языкового сознания [8, с. 94]. По её мнению, упорядоченность знаний в оптимальных для использования в речемыслительной деятельности формах репрезентации соотносится со специфической конфигурацией ассоциативных связей, неравноценных по своей энергетике. Наиболее «энергетичные» связи фокусируются в своеобразный центр, или ядро, вокруг которого распределяются остальные связи. Единицы ядра лексикона, приводящие в возбуждение существующие множественные связи, обладают необычайной активностью, характеризуются одновременным вхождением во множество ассоциативных полей других единиц, заполняющих все остальное пространство

ментального лексикона. Как полагает Н. О. Золотова, этот факт отражает способность единиц ядра выступать в качестве оптимальных средств кодирования ситуаций, связанных с прошлым опытом человека и служащих опорами для получения выводных знаний, играющих важную роль в процессах понимания.

О связи лексического и грамматического знания писал Ю. Н. Караулов. Им были введены, наряду с понятием лексикона, понятия грамматикона и прагматикона [9, с. 89], которые служат дифференциации типов языкового знания. Автор также указывает на необходимость выделения лексикона в структуре языковой личности [9, с. 86]. По его мнению, лексикон организован по сетевому принципу, представляя собой ассоциативно-семантическую сеть с включенной в неё и в значительной мере лексиколизированной грамматикой. Ассоциативно-семантическая сеть задает принципы организации и лексикона, и семантикона личности [9, с. 94]. Однако в ассоциативных структурах (по данным массовых ассоциативных экспериментов) обнаруживается причудливое переплетение и лексико-семантических элементов, и знаний о мире, и деятельностно-коммуникативных потребностей личности, т.е. его прагматикона [9, с. 239]. Следует подчеркнуть, что работы Ю. Н. Караулова, по мнению некоторых лингвистов, являются «апофеозом» грамматического подхода к ассоциативным структурам и, на наш взгляд, образуют отдельное направление в ассоциативных исследованиях.

Как видно из обзора ранних теорий ментального лексикона, большинство исследователей склоняются к идее об его устройстве по принципу семантической сети. Но существует целый ряд морфологически ориентированных моделей внутреннего лексикона, изучающих вопрос репрезентации морфемной структуры. Основными тенденциями в этом направлении исследования ментального лексикона являются «сосуществование двух путей доступа (поморфемного и цельнословного), хранение репрезентаций отдельных морфем, наличие уровня единиц, промежуточных между фонологическим/графическим и семантическим/концептуальным представлениями» [10, с. 47].

Сегодня, несмотря на близкие дефиниции ментального лексикона, подходы авторов значительно отличаются по ряду вопросов. Среди них такие, как доступ и извлечение слова из памяти, свойства слова по их ментальной репрезентации в голове человека, глобальная организация лексикона. На сегодняшний день исследователи спорят о том, есть ли различия в механизмах активации ментального лексикона при различных видах речевой деятельности (при порождении и восприятии речи), сколько ментальных лексиконов у носителей двух и более языков, каковы механизмы их функционирования [11].

Таким образом, становится очевидным, что на данном этапе развития психолингвистики характерен отказ от рассмотрения ментального лексикона как универсального и несогласие с трактовкой его как «внутреннего словаря» [12]. Ученые приходят к такому заключению на основе экспериментальных исследований носителей разных языков. Важный вклад в эту область вносят работы, анализирующие усвоение языка детьми и формирование ментального лексикона у людей, изучающих иностранный язык во взрослом возрасте, строение ментального лексикона у билингвов, рассмотрение ненамеренных отклонений от нормы (ошибки и речевые сбои), а также данные о распаде языковой системы при различных типах афазий.

Актуальные модели ментального лексикона учитывают вариативность плана выражения лексической единицы при словоизменении, а также принцип соединения и расположения морфем в составе производных слов в языках разных типов [13]. Лексемы в разных языках отличаются по количеству словоформ, по форме их расположения: линейное или инкорпорирование. Это приводит к различиям в обработке словоформы при восприятии и порождении речи. И, как результат, достаточно существенные отличия в моделях ментального лексикона для носителей типологически разных языков, например, аналитических и инкорпорированных.

Авторы новых моделей ментального лексикона приходят к заключению, что различные виды речевой деятельности (порождение и восприятие речи) отличаются по мере и степени взаимодействия разных психических и нейрофизиологических механизмов, обеспечивающих данную речевую деятельность. Не вызывает сомнений тот факт, что все психические и нейрофизиологические механизмы обеспечения речевой деятельности едины. Однако степень и процедуры их взаимодействия существенно варьируют в зависимости от типа используемого языка и вида речевой деятельности [14, с. 93].

Рассмотренные в данной статье подходы к понятию ментального лексикона позволяют сделать вывод о том, что в основе его организации лежат два общих принципа: логика упорядочения человеком знаний о мире и логика хранения знаний об особенностях функционирования слова в речи. Таким образом, принципы организации лексикона отражают как лингвистические знания, т.е. языковую компетенцию, так и экстралингвистический опыт. Значимость лексикона заключается в том, что в памяти человека хранятся самые различные по своей форме и содержанию единицы, обеспечивающие в своей сочетаемости нормальную речевую деятельность. В настоящий момент не существует общепринятой точки зрения ни на то, каким образом организовано хранение языковых единиц в ментальном лексиконе, ни на то, как отличается этап обработки языковых единиц при процессах порождения и восприятия речи. Сейчас все чаще говорят об индивидуальной специфике каждого языка и невозможности построить универсальную модель менталь-

ного лексикона, которая подходила бы под данные любого языка. Это ведет к необходимости дальнейшего изучения этой проблемы на примере значительного количества языков и целесообразности описания специфики их ментальных лексиконов, а также проведения компаративного анализа языков разных языковых семей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кубрякова, Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в порождении мира / Е. С. Кубрякова. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 560 с.
2. *Johnson-Laird, Ph. N.* On Opening the Dictionary / Ph. N. Johnson-Laird // *The making of Cognitive Science* / Ph. N. Johnson-Laird. – Cambridge, Mass. : MIT Press, 1988. – P. 186–209.
3. *Падучева, Е. В.* Динамические модели в семантике. Е. В. Падучева. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 608 с.
4. *Залевская, А. А.* Введение в психолингвистику / А. А. Залевская. – М. : Рос. гос. гуманитар. ин-т, 2000. – 381 с.
5. *Залевская, А. А.* Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование / А. А. Залевская; науч. ред. проф. М. М. Копыленко. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 205 с.
6. *Караулов, Ю. Н.* Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1976. – 355 с.
7. *Сазонова, Т. Ю.* Моделирование процессов идентификации слова человеком: психолингвистический подход / Т. Ю. Сазонова. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2000. – 134 с.
8. *Золотова, Н. О.* Ядро лексикона человека как феномен языкового сознания / Н. О. Золотова // *Языковое сознание: содержание и функционирование.* XIII Междунар. симпоз. по психолингвистике и теории коммуникации: тез. докл.: Москва, 1–3 июня 2000 г.: ред. Е. Ф. Тарасов. – М. : ИЯ РАН, 2000. – С. 94–102.
9. *Караулов, Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 264 с.
10. *Васильева, М. Д.* Ментальный лексикон: где же место морфологии? / М. Д. Васильева // *Рос. журнал когнитивной науки.* – 2014. – 1(4). – С. 1– 57. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://istina.msu.ru/publications/article/10942913/> – Дата доступа: 15.12.2019.
11. *Elman, J. L.* Lexical knowledge without a lexicon? Methodological and Analytic Frontiers in Lexical Research (Part II) / J. L. Elman *The Mental Lexicon.* – 2011. – V. 6 (1). – P. 1–33.
12. *Залевская, А. А.* Ментальный лексикон: конструктор, метафора, миф? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.academia.edu/23080389/GI-SAP_Philological_Sciences_Part_8. – Дата доступа: 15.12.2019.

13. *Baayen, R. H.* Experimental and psycholinguistic approaches to studying derivation / R. H. Baayen // *Handbook of derivational morphology* / R. Lieber, P. Stekauer (Eds.). – Oxford: Oxford Univ. Press, 2014. – P. 95–117.

14. *Овчинникова И. Г.* Синтагматические сбои в русской речи: интерпретация в свете актуальных моделей ментального лексикона / И. Г. Овчинникова // *Вопросы психолингвистики*. – 2018. – № 2 (36). – С. 84–98.

Different approaches to the concept of the mental lexicon given in the article single out the importance of the experimental approach to the problem. The undertaken analysis of the contemporary models defines the mental lexicon not simply as storage of lexical units but as a source of information about the world around. Researchers come to the conclusion that it's impossible to build a universal model of the mental lexicon due to individual characteristics of different languages.

Поступила в редакцию 27.12.2019

Л. П. Новикова

НАРУШЕНИЯ ОРФОЭПИЧЕСКОЙ НОРМЫ И КОНКУРИРУЮЩИЕ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЕ ВАРИАНТЫ В УСТНОЙ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ

В статье анализируются функционирующие в устной публичной речи отступления от традиционной орфоэпической нормы русского языка, выделяются формы, отражающие ее колебание на современном этапе. Исследование проводилось на материале живой устной публичной речи, фрагменты которой были записаны и изучены автором.

В настоящее время численность участников публичной коммуникации стремительно растет. Как известно, нормативной первоосновой литературного языка долгое время (до второй половины XX в.) выступал речевой узус произведений художественной литературы. Однако, как отмечают многие современные лингвисты, в частности Г. П. Нецименко, в конце XX – начале XXI в. «ощутимо возросла и упрочилась социальная база и лингвокультурная значимость публичного вербального узуса, его участие в формировании нормы литературного языка, при определении направленности проводимой кодификационной и языковой политики» [1, с. 177]. Вместе с тем, по мнению А. А. Лукашанца, в устной публичной речи как результат демократизации языка часто наблюдается следующий феномен: «не стыдно говорить и писать с ошибками» [2, с. 4]. Данная противоречивая ситуация определяет особую актуальность современных лингвистических исследований, проводимых на материале устной публичной речи.

Однако в настоящее время в трудах белорусских и зарубежных лингвистов в различных аспектах представлен анализ главным образом печатных текстов средств массовой информации Беларуси: В. И. Ивченков [3], Т. П. Карпилович [4], А. Я. Шайкевич [5], О. В. Казимилова [6] и др. Взаимо-